

Мухамедов Ш. Б.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ТУРКЕСТАНА: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ. ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ИЗ XXI ВЕКА

В статье на основе оригинальных источников и мемуарной литературы исследуются сложные вопросы Российского правления в Средней Азии. Особенное внимание уделяется малоисследованным проблемам трансформационных процессов в сфере политики, экономики и образования региона.

Ключевые слова: Туркестан, генерал-губернатор, политика, экономика, образование, ислам, христианство, джадидизм.

Документы, пресса, воспоминания — можно ли верить?

Период в истории Туркестана, связанный с вхождением этого региона в состав Российской империи, представляет огромный интерес прежде всего потому, что в этот исторический отрезок времени в Средней Азии происходят события, которые развернули развитие региона на 180 градусов. Народы, населявшие край, под влиянием европейской культуры, принесённой сюда Российской империей, выбирают для себя иной путь развития. Для того, чтобы разобраться в событиях того времени, необходим, на наш взгляд, комплексный подход в изучении источников.

Во-первых, необходимо исследовать исторические источники, находящиеся в архивах. Во-вторых, прекрасным источником является пресса того времени. В-третьих, необходимо изучить исторические труды, опубликованные современниками. В-четвёртых, важный источник — это мемуарная литература оче-

видцев. Именно из воспоминаний современников мы можем узнать такие подробности, которые могут изменить понимание того или иного исторического события.

В воспоминаниях современников, благодаря специфическому, субъективному взгляду авторов, перед нами на исторической сцене предстают действующие лица. Несомненно, что к фактам, приведённым в этих воспоминаниях, необходимо относиться с определённой долей осторожности и, в свою очередь, используя сравнительный анализ, просеивать их сквозь сито архивного материала.

Прежде чем писать о том, что происходило во второй половине XIX — начале XX вв. в Туркестане, необходимо вспомнить слова генерала М. А. Терентьева: «Не стоит писать историю, если не писать всю правду. Пусть перед читателями пройдет живой человек со всеми его слабостями и ошибками: дело он сделал, след свой оставил, а что он был такой же, как и мы, так этим он нам ещё милее»¹.

Основные архивные документы, в которых отражена рассматриваемая нами проблема, сосредоточены в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Однако из этих исторических документов сложно понять, кем же на самом деле были эти государственные деятели, каков был их вклад в развитие Туркестана и, в конечном итоге, что же они могли представлять из себя «без мундиров», т. е. какими людьми они были в семье и в быту, чем могли определяться их поведенческие мотивы. На эти и другие вопросы могут ответить именно воспоминания современников, так как в официальных архивных источниках информации об этом в целом не представлено.

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. XVI.

Для того, чтобы понять логику действий туркестанских генерал-губернаторов, необходимо знать о них самих и о том, какое впечатление они оставили у современников, непосредственно общавшихся с ними. Приведём несколько примеров, характеризующих личности этих высокопоставленных чиновников Российской империи и кадровую политику государства.

Начальник Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Г. Федоров, прибывший в край в 1870 г. и проработавший здесь с 1903 до 1906 гг., прекрасно знавший и непосредственно общавшийся с руководителями краевой администрации, даёт характеристику этим высокопоставленным чиновникам в своих воспоминаниях². Характеризуя генерал-губернаторов, Г. Федоров, естественно, высказывает сугубо личное мнение, которое в целом совпадает с характеристикой, данной этим деятелям в воспоминаниях Н. П. Остроумова³. Давая лестные характеристики фон Кауфману, автор воспоминаний довольно критически оценивает деятельность руководителей, управлявших краем после «Устроителя» Туркестана.

Описывая приезд в Ташкент М. Г. Черняева, назначенного генерал-губернатором в 1882 г., Г. Федоров пишет, что выглядел последний довольно неважно, и «все мы увидели полусгорбленного, морщинистого генерала, который сделал всем общий поклон и, не сказав ни слова приветствия, ушёл к себе в кабинет»⁴. Говоря о том, какую политику стал проводить М. Г. Черняев, автор воспоминаний пишет, что «вскоре по прибытии Черняева до нас стали доходить слухи, что он непримиримый враг Кауфмана

² Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1906) // Исторический вестник. 1913. Кн. 9-12.

³ Н. П. Остроумов долгие годы возглавлял Ташкентскую учительскую семинарию и фактически являлся советником туркестанских генерал-губернаторов по вопросам ислама. Подробнее см.: ЦГА РУз. Личный фонд Остроумова Н. П. (Ф. 1009).

⁴ Федоров Г. Указ. соч. С. 438.

и всего кауфмановского»⁵. Автор с удивлением пишет о том, что М. Г. Черняев попросил отправить в Туркестанский край ревизию (под руководством Ф. Гирса. — Ш. М.), т. к. он успел убедить руководство в Петербурге, что «в управлении краем полный хаос, что чиновники позволяют себе всевозможные злоупотребления, а потому он затрудняется фактически вступить в управление краем...»⁶.

Исходя из вышесказанного, Г. Федоров делает неутешительные выводы: «Это была незаслуженная обида памяти Кауфмана, обида ничем не вызванная и основанная исключительно на почве личной неприязни Черняева»⁷. По мнению автора, М. Черняев практически уничтожил многие начинания, введённые фон Кауфманом (имеется в виду Туркестанская библиотека, хлопкоферма и др. — Ш. М.). Девизом «покорителя Туркестана» были слова: «Эту оффенбаховщину прекратить»⁸.

Говоря о назначении в Туркестан генерал-губернатора Н. О. Розенбаха, автор пишет, что карьерный рост этого офицера сложился благодаря ряду счастливых обстоятельств. Н. О. Розенбах участвовал в двух кампаниях — польской (1863) и турецкой (1878), оба раза был тяжело ранен и получил Георгия. Вскоре Розенбах был удостоен звания генерал-адъютанта и назначен начштаба войск гвардии и петербургского полка⁹.

Подводя итоги недолгого правления Н. О. Розенбаха, Г. Федоров пишет: «Тщательно роюсь в своих воспоминаниях, я решительно не могу найти ничего, что могло бы характеризовать управление Розенбаха.

---

⁵ Федоров Г. Указ. соч. С. 438.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 440. Имеется в виду, то, что К. П фон Кауфман являлся этническим немцем.

⁹ Там же. С. 444.

Административная машина шла полным ходом, т. е. чиновники писали бесконечные бумаги, генерал-губернатор их своевременно и аккуратно подписывал»¹⁰.

Говоря о назначении в Туркестан в 1889 г. барона А. Вревского, ранее работавшего начальником окружного штаба Одесского военного округа, Г. Федоров пишет, что «барон всю жизнь прослужил в строю и, будучи назначен в Ташкент, попал неожиданно в совершенно новую и незнакомую ему сферу»¹¹. В целом, характеризуя барона А. Вревского, автор характеризует его как доброго человека и пишет, что это был «образованный, разумный администратор, немного ленивый, любящий пожить с комфортом, много работавший по утрам, но считавший своим правом вечером дать себе отдых за ломберным столиком»¹².

Фёдоров считает, что в период Вревского «главную скрипку» играли в основном два человека. Сначала это был военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродеков, приложивший большие усилия по переселению в край жителей внутренней России. После его отъезда в 1895 г. бразды правления Туркестаном фактически берет в свои руки новый военный губернатор Сыр-Дарьинской области А. Иванов.

В 1898 г., после отъезда барона Вревского, начальником края был назначен генерал С. М. Духовской, ранее служивший в должности Приамурского генерал-губернатора. Такое назначение при близком знакомстве шокировало Г. Фёдорова. «Духовской был человек не глупый и, быть может, в своё время очень полезный, но когда он был назначен в Туркестан, то это была уже развалина и в умственном, и физическом отношениях. Непонятно, как могли назначить такую руину начальником огромного края, к которому только что присоединили ещё две области. Он не

¹⁰ Федоров Г. Указ. соч. С. 452.

¹¹ Там же. С. 453.

¹² Там же.

был способен ни к какому труду и, свалив все бремя управления на вновь назначенного на только что учрежденную должность помощника генерал-губернатора генерала Иванова, сам буквально ничего не делал, или разъезжал с большой помпой по краю, или проживал в Петербурге, куда неоднократно выезжал, будто бы по делам службы»¹³.

После Андиганского восстания 1898 г. краевая власть берётся за изучение мусульманского вопроса и создание Духовного управления мусульман края. Все мероприятия и деятельность по изданию трудов по мусульманству в официальной историографии связаны с именем С. М. Духовского, который фактически в этом абсолютно не разбирался и, как следует из воспоминаний Г. Федорова, был старым и больным человеком.

Всю организационную работу по решению мусульманского вопроса фактически осуществляли вышеупомянутый Н. Иванов и его советник В. П. Наливкин. До наших дней сохранился аналитический доклад генерал-губернатора Духовского «Ислам в Туркестане», написанный на «высочайшее» имя и подготовленный В. П. Наливкиным в 1900 г., причём сам автор остался в тени.

Как видно из приведенных примеров, туркестанские генерал-губернаторы были разными людьми. Среди них не было ни одного востоковеда, поэтому и политика их в отношении ислама в целом была хаотичной. Бразды правления в своих руках держали в основном чиновники, советниками которых были Н. П. Остроумов и В. П. Наливкин, по-своему мировоззрению явные миссионеры.

Оценивая деятельность туркестанских генерал-губернаторов, сенатор К. К. Пален в 1910 г. писал в своих отчетах: «Три личности из числа покорителей Туркестана оставили след в деле его устройства: гене-

¹³ Федоров Г. Указ. соч. С. 861.

ралы Колпаковский, Кауфман и Куропаткин¹⁴. Другие деятели были последователями и подражателями, нередко весьма неудачными, кого-либо из них, оставаясь в крае слишком короткое время, не успевали проводить в жизнь задуманные мероприятия»¹⁵.

Сравнивая воспоминания современников тех событий и исторические документы, исследователь должен помнить, что авторы воспоминаний, давая более или менее объективную характеристику личностям, ничего не говорили о служебных документах, о ходе своей служебной деятельности, т. е. соблюдали профессиональную этику. Например, говоря о деятельности М. Г. Черняева, автор ничего не говорит о том, что по приезде в край «Завоеватель Ташкента» предпринимает меры по созданию Духовного управления мусульман Туркестанского края, что было неординарным событием после правления фон Кауфмана.

Если учесть, что ислам для Туркестана являлся не только религией, но и образом жизни, можно понять, почему любые действия царской администрации на местах можно считать вмешательством в религиозные дела местного мусульманского населения. Естественно, что главными реформаторами можно считать туркестанских генерал-губернаторов. Чтобы разобраться в том, что же на самом деле происходило в Средней Азии после её завоевания Российской империей в области государственного регулирования ислама царской администрацией, рассмотрим ряд малоизвестных фактов, которые по тем или иным причинам историками замалчиваются.

¹⁴ На наш взгляд, довольно спорное утверждение. Колпаковский генерал-губернатором Туркестана фактически не был. Куропаткин был генерал-губернатором всего лишь в течение одного года (1916–1917), и именно с ним связано жестокое подавление восстания местного населения 1916 г.

¹⁵ Пален К. К. Главнейшие выводы по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910. С. 4.

Среди документов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз) мы обнаружили архивные источники, в которых мы находим примеры устной истории, т. к. в начале XX в. руководство туркестанской краевой администрации применяет на практике опросы общественного мнения населения Туркестана через руководство областной и уездной администраций.

В 1909 г. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, которую возглавлял В. А. Мустафин, разрабатывает вопросник для военных губернаторов областей. В данной инструкции был поставлен ряд вопросов, связанных с настроением проживающего там местного населения. Составленная Канцелярией инструкция состояла из следующих вопросов:

1. К какому племени принадлежит население данного района или округа, его численный состав по племенам, образ жизни (Главное занятие и степень экономического благосостояния населения).

2. Духовное развитие населения. Число мактабов и медресе. Где получили образование мударисы и заведующие мактабами. Комплект учащихся с разделением на местных и пришлых. Учебные книги. Вакуфы и доходность их.

3. Ишаны, дервиши, маддахи. Районы деятельности ишанов, число их муридов в разных местностях. В чем выражается влияние ишанов. Места их путешествий.

4. Число мечетей и мазаров.

5. Поскольку население сохранило память о своей независимости, не замечается ли сочувственное воспоминание об утраченных днях самостоятельности, например, в частных разговорах, в местных преданиях и различных песнях, которые возможно распевают и рассказывают туземные певцы и рассказчики на базарах и площадях, в тени водоёмов медресе и мечетей, и, наконец, просто в кишлаках и аулах.

6. Степень влияния на население местного духовенства и в чем это влияние выражается.

7. Появляются ли среди населения, откуда-либо со стороны или из заграницы светские и духовные лица, а также рассказчики, дервиши, фокусники и юродивые. Какова была их цель появления среди местного населения.

8. Не появляются ли среди населения пришельцы из других местностей края или выходцы из Турции, Персии или Кавказа, заражённые революционными идеями.

9. Не появляются ли среди местного населения татары-миссионеры, в частности последователи «Ваисова божьего полка», основой учения которого является непризнание земных властей и отрицание необходимости уплаты податей.

10. Существуют ли в данной местности «новометодные» школы¹⁶.

Как видно из вопросов инструкции, краевую администрацию волновали изменения в настроениях местного населения, и главную роль в этом играл исламский фактор. Военным губернаторам областей и Главному инспектору учебных заведений края предписывалось ежегодно представлять отчёты по составленным вопросам в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора. Инструкция и отчёты имели гриф «Совершенно секретно»¹⁷.

В феврале 1909 г. военный губернатор Ферганской области генерал-майор Сусанин, размышляя по поводу настроения местного населения, писал: «До сих пор целые огромные области духовной жизни народной остаются без всякого наблюдения с нашей стороны; что делается в многочисленных мадрасах, какая именно происходит эволюция в верованиях и взглядах народных и как она отражается в мусуль-

¹⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 29-30 об.

¹⁷ Там же.

манской обширной литературе, произведения которой составляют оживлённый предмет торговли на базарах — обо всем этом мы осведомлены очень мало, и не будем иметь этой осведомленности, покуда не будет создана надлежащая в достижении этой цели организация»¹⁸. Однако такой организации вплоть до 1917 г. создано не было, хотя в крае с 1907 г. действовало «Районное охранное отделение», которое занималось политическим сыском, и оно же собирало сведения о «панисламизме» и «пантюркизме».

Сусанин предпринимает неординарный шаг и отправляет в «народ» своего переводчика Буйлина (татарина по национальности — Ш. М.) по городам Ферганской области под видом коммивояжера в целях собирания сведений о настроениях местного населения¹⁹. Буйлин объезжает Коканд, Скобелев, Наманган, Андижан, другие города и кишлаки, о которых в своем отчёте приводит очень интересные сведения.

Приведя данные о мусульманских учебных заведениях в области, автор говорит о новых явлениях в некоторых медресе, где наряду с изучением правил арабского языка и законов шариата изучаются русский язык, география и чтение татарских газет²⁰. В целом муллы, с которыми беседовал Буйлин, говорили ему о недостаточном количестве мактабов в сельской местности и о том, что мударисы и мутавалии многих медресе не стремятся к открытию новых мактабов, так как основные доходы от вакуффов ими присваиваются²¹. Мутавалии медресе «Мадали-хан» в Коканде делает вывод о том, что с уменьшением доходов вакуффов уменьшилось и число мулл, и это явилось причиной того, что «среди населения пошатнулась и вера в ислам»²².

---

¹⁸ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528 Л. 3 об.

¹⁹ Там же. Л. 32.

²⁰ Там же. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 34.

²² Там же.

Большой ропот среди населения вызвало основание в области русских селений, поселенцы которых получили наделы даром и, кроме того, пособие на обустройство хозяйством. Местные люди задают вопрос: «Разве мы не дети одного отца (царя), и почему же одним дают всё, а других обходят?»²³.

Отрицательно относится к ханским временам состоятельный земледельческий класс, который в те далёкие времена не был уверен в завтрашнем дне из-за непрекращающихся междоусобных войн. Недоволен этот класс действиями туземной администрации и народных судей²⁴.

Роль духовного сословия среди народа ещё очень велика. Буйлин говорит о том, что в городах Ферганы ему пришлось столкнуться с недружелюбным отношением мулл к русско-туземным школам. Ишаны и муллы не советуют населению отдавать детей в эти школы по причине того, что мальчиков оттуда могут отправить в солдаты и даже окрестить. Народ верит муллам, и школы посещаются или детьми местной администрации, или детьми слишком бедных родителей, «которым в особенности осенью и зимой каждый лишний рот в семье — обуза»²⁵. Таким образом, духовные лица, являясь «педантичными последователями Корана... отличаются фанатизмом, не допуская никаких новшеств, хотя бы и полезных, и медресе, таким образом, как учреждения просветительные, становятся рассадниками антагонизма центра с окраиной»²⁶.

Приведенный пример того, что в начале XX в. царская администрация пытается использовать метод устного опроса общественного мнения местного населения для выработки новой политики в отношении

---

²³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 34.

²⁴ Там же. Л. 35 об.

²⁵ Там же. Л. 36.

²⁶ Там же.

ислама, в целом говорит о том, что старая политика, проводившаяся с момента завоевания Российской империей Средней Азии, себя уже не оправдывала. Однако хотела ли знать краевая администрация реальное положение дел в регионе, это уже другой вопрос. На наш взгляд, метод опроса общественного мнения был взят Мустафиным на вооружение из практики европейских стран, так как для самой России это было еще не характерно.

Российская наука и исламское образование в Туркестане: из опыта взаимного сосуществования. Проблемы и достижения

Образование в Туркестанском генерал-губернаторстве прошло очень сложный путь «побед и поражений». Руководители краевой администрации уделяли этому вопросу очень пристальное внимание. В этих целях в крае было организовано учебное ведомство. Первый генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман для компетентного соуправления этими процессами приглашает в 1877 г. из Казани видного востоковеда Н. П. Остроумова. То, что увидел ученик Н. И. Ильминского в Туркестане, конечно же, произвело на него неоднозначное впечатление. Необходимо учитывать, что мусульманское просвещение в Туркестанском генерал-губернаторстве охватывало собою мактабы²⁷ и медресе²⁸, в которых, в основном, давались знания, базировавшиеся на изучении основных положений из Корана. Начиная с 70-х годов XIX в., в крае открываются русско-туземные школы, перед которыми ставилась цель приобщения детей местного населения к русской культуре. Однако, политика российской администрации в области образования местного населения имела ряд недостатков, что в конечном итоге привело к малоэффективности ре-

²⁷ Средние мусульманские учебные заведения.

²⁸ Высшие мусульманские учебные заведения.

зультатов и возникновению в регионе параллельного реформаторского движения в области мусульманского образования, в лице «джадидизма»²⁹.

Об ошибочности политики Российской империи в области образования местного населения и роли в этом процессе руководителей краевой администрации компетентно пишут некоторые современники. Подробно и объективно сообщает об этом в своей статье один из ветеранов учебного дела в Туркестане Н. П. Остроумов³⁰.

В своей аналитической статье, посвященной проблеме образования местных народов, автор отмечает, что, не будучи надлежащим образом осведомлен о современном положении мусульманских учебных заведений — медресе и мактабов, фон Кауфман считал, что они себя уже исчерпали. «Во внутреннюю силу мусульманства покойный генерал-губернатор не верил, отчасти под влиянием господствовавшего тогда представления о Турции как о больном организме, и считал вообще мусульманскую культуру отжившей свой век и неспособною к пробуждению и дальнейшему прогрессу»³¹. К. П. фон Кауфман, будучи российским администратором, верил только в европейское образование. В Туркестанском крае генерал-губернатор «намерен был держаться обрусительной политики при посредстве русской школы»³². Главный начальник края знал, что в Туркестане существуют кочевые племена казахов, которые хотя и были близки к сартам и татарам, но влияние на них ислама по его мнению было минимально. «Поэтому он решил сосредоточить все свое просвещенное внимание на устройстве в Туркестанском крае русских школ имен-

---

²⁹ С переводе с арабского «усули джадид» — «новый метод».

³⁰ *Остроумов Н. П.* Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. М., 1910.

³¹ Там же. С. 139–140.

³² Там же. С. 140.

но для детей киргизов и рассчитывал, что дети киргизов в русских школах обрусееют и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации»³³.

Этот взгляд на мусульманство и на казахов сформировался у фон Кауфмана под влиянием авторитетного профессора истории Востока В. В. Григорьева и руководителя миссионерской Казанской школы Н. И. Ильминского³⁴. Жизнь показала глубокую ошибочность этих взглядов. Однако именно эта политика фон Кауфмана в отношении ислама и исламских учебных заведений продолжалась до 1917 г. и получила название «политика игнорирования». В Министерстве народного просвещения Российской империи к тому времени (1876 г. — Ш. М.) «также не было определенных и устойчивых взглядов на образование инородцев»³⁵.

Российская администрация при фон Кауфмане начинает открывать русско-туземные школы в первую очередь для казахских детей. В год государство тратило на эти школы 23 000 руб. — огромную по тем временам сумму. Однако дети местных национальностей «посещали их весьма неохотно и крайне неаккуратно, и многие ещё не получив знаний переставали учиться, когда хотели»³⁶.

Главной причиной такого отношения к русско-туземным школам заключалось в том, что в них не обучали местным языкам, не обучали шариату — была проблема с учителями, а так же для детей степняков, в первую очередь, не было языковой среды. Большой проблемой для детей кочевников являлось

---

³³ *Остроумов Н. П.* Указ. соч. С. 140.

³⁴ Там же. С. 140–141.

³⁵ Там же. С. 141.

³⁶ Там же. С. 144.

посещение школ из-за дальности расстояний, особенно в зимнее время³⁷.

Однако нельзя не отметить и некоторые положительные изменения в области мусульманского образования в этот период. Во второй половине XIX в., после вхождения территории Средней Азии в состав Российской империи, происходит взаимовлияние и взаимообогащение восточной и европейской культуры, науки и образования.

Приведём несколько примеров взаимовлияния и взаимообогащения мусульманского и христианского светского образования в Туркестанском крае, малоизвестных в исторической науке.

1 декабря 1898 г. исполняющий должность Главного инспектора училищ Туркестанского края обратился с письмом к инспектору народных училищ Туркестанского края 1-го района, в котором высказал о желании Туркестанского генерал-губернатора познакомить местных учителей и мударисов города Ташкента с «волшебным фонарем»³⁸ и фонографом. «В этих целях, предлагалось собрать в зале Ташкентского реального училища означенных лиц и продемонстрировать в их присутствии опыты с волшебным фонарем и фонографом, а так же показать им классные помещения названного училища»³⁹.

В конце 1898 — начале 1899 гг. в Туркестанской «Туземной газете» была напечатана работа С. М. Граменицкого «О пользе наук». Позже эта работа была опубликована в виде отдельной брошюры на двух языках — узбекском и русском, и распространена среди учителей русско-туземных школ и мударисов медресе Ташкента. По приказу начальника края Тур-

---

³⁷ Пален К. К. Учебное дело. СПб., 1910. С. 105.

³⁸ «Волшебный фонарь» — аппарат для проекции изображений, распространенный в XVII–XX вв., в XIX в. — в повсеместном обиходе. Являлся значимым этапом в истории развития кинематографа.

³⁹ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 518. Л. 1-1 об.

кестанское учебное ведомство начинает готовить публичные лекции среди мусульманской интеллигенции о развитии русской науки и техники.

Был составлен список мударисов крупнейших медресе Ташкента, приглашенных на эти публичные чтения. В списке значились 23 человека, из которых было 20 старших мударисов. В числе их приглашены были мударисы следующих медресе: «Шариф этдин бай», «Ахмат магзум», «Барак хан», «Бегляр Беги», «Махмут Дастурхончи» и др.

14 февраля 1899 г. в здании Ташкентской мужской гимназии состоялось первое народное чтение для представителей местного населения под названием «О пользе наук», составленное С. М. Граменицким). По словам директора этой гимназии Н. П. Остроумова, высокопоставленным мусульманским деятелям были показаны: «Глобус, полушария, карта Азии, и разные опыты на приборах физического кабинета — термометр, барометр, воздушный насос, Магдебургские полушария, электрическая машина, паровая машина, фотография с разными картинками и между другими видами русско-туземных школ и железнодорожный мост на Сырдарье, графофон, магнит и др.»⁴⁰. А затем в темной комнате при помощи волшебного фонаря были показаны картины замечательных зданий Москвы, Парижа, Лондона и Берлина⁴¹.

На чтении присутствовали исполняющий должность генерал-губернатора, генерал-лейтенант Н. А. Иванов, Главный инспектор училищ Ф. М. Керенский, военный губернатор Сырдарьинской области Н. И. Корольков, председатель комиссии народных чтений в городе Ташкенте А. И. Николаенко и др.

При всей своей помпезности, народные чтения, на наш взгляд, имели положительный момент в том, что старшие мударисы, будучи ответственными за

⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 518. Л. 35.

⁴¹ Там же. Л. 35 об.

учебный процесс в медресе, наглядно увидели многие технические новинки, которые использовались в Российских учебных заведениях.

По окончании чтений генерал-лейтенант Н. А. Иванов высказал представителям присутствовавших на чтении местных религиозных деятелей надежду на скорое открытие курсов русского языка при мусульманских мадрасах города Ташкента⁴². «Сибзарский народный судья Мухитдин-ходжа заявил о своей готовности исполнить означенное желание Главного Начальника края С. М. Духовского...»⁴³.

Российская администрация при Туркестанском генерал-губернаторе С. М. Духовском с 1899 г. начинает образовательные поездки для детей местного населения по крупным городам внутренней России с целью ознакомления этих детей с образом жизни русских детей и детей, населяющих мусульманские регионы Российской империи.

В июле 1898 г. Туркестанский генерал-губернатор направляет письмо на имя Военного министра А. Н. Куропаткина, в котором просит своего руководителя содействия в организации учебно-образовательных поездок «молодых сартов и киргизов» в Российские города⁴⁴. По словам начальника краевой администрации, «там они увидят величие могущество и богатство Империи, а так же занятия, промышленность и торговлю жителей. Увидят, что под могуществом Великого Белого царя мирно живут и благоденствуют все верноподданные Его — русские и инородцы, христиане и мусульмане. Полученные путешественниками сведения широко разнесутся по краю. Надеюсь, что такие поездки возбудят интерес в молодых туземцах и могут ежегодно повторяться на собственные средства состоятельных родителей»⁴⁵.

⁴² ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 518. Л. 35 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 600. Л. 433.

⁴⁵ Там же. Л. 433–433 об.

По мнению Туркестанского генерал-губернатора, первая поездка должна была состояться в июне-июле 1899 г. по следующему маршруту: от Ташкента до Красноводска по железной дороге. Далее на пароходе в Астрахань и Саратов. Из Саратова по железной дороге в Москву и в Санкт-Петербург. Обратный путь через станцию Бологое в Рыбинск. Отсюда по Волге в Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Казань, Астрахань и Баку, оттуда безостановочно в Ташкент⁴⁶.

В экскурсию планировалось отправить 15 человек из воспитанников «инородческих квартир при городских училищах» и из окончивших курс в русско-туземных школах в возрасте от 15 до 20 лет, с ними – домужу русско-туземной школы и служителя. Руководителем экскурсии должен был быть назначен один из учителей городских училищ⁴⁷.

Туркестанский генерал-губернатор просил Военного министра помочь «в удешевлении проезда по железным дорогам и пароходах, а при остановках в городах, которые указаны в маршруте, бесплатное помещение в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения»⁴⁸. Кроме того, начальник Туркестанского края просил содействия в организации экскурсий в этих городах.

Продолжительность поездки планировалась в 64 дня при стоимости проезда по железным дорогам и продовольствии одного ученика в 126 руб. 40 коп. Экскурсии проводились с 1899 по 1903 гг. Первый год для всех 15 участников поездки был организован бесплатный проезд. Последующие годы количество учеников колебалось от 10 до 15 человек. Причём основная часть экскурсантов должна была оплатить поездку. Пароходная компания «Кавказ и Меркурий» оплачивала плавание туркестанских детей на своих

⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 600. Л. 433 об.

⁴⁷ Там же. Л. 434.

⁴⁸ Там же.

судах по Каспийскому, Чёрному морям и по Волге за свой счёт.

Программа экскурсии была довольно насыщенной. Например, в 1902 г. Военное министерство направляет письмо руководителю туркестанских учеников учителю Кузнецову, в которой предлагалась следующая программа: принятие Военным министром экскурсантов в Красном селе, а, кроме того, он приглашал детей на Красносельские скачки.

Туркестанским ученикам предлагалось так же осмотреть: Зимний дворец, Эрмитаж, Монетный двор, экспедицию заготовления Государственных бумаг, музеи: Академии наук, художественно-промышленный, сельскохозяйственный и морской, лучшие филантропические заведения — больницу, богадельню и училище глухонемых. В программу осмотра входили, в том числе, Путиловский завод, Фарфоровая и Стеклянная фабрики, а так же предлагалось совершить поездки в Кронштадт, Пулково (обсерваторию), Петергоф, Павловск, Царское и Красное села, Гатчино и Парголово»⁴⁹.

В царском селе туркестанских учеников ежегодно приветствовал император Николай II. Военное министерство всю поездку туркестанских детей-туземцев держало под непосредственным контролем.

Отбор учеников для экскурсий в центральные города России учебное ведомство Туркестанского края во главе с Ф. Керенским проводило тщательнейшим образом. В состав экскурсантов 1902 г., по мнению Керенского, должны были входить лишь лучшие ученики русско-туземных школ не моложе 15 лет, отличающиеся безукоризненной нравственностью, хорошим здоровьем, внешней опрятностью и достаточным знанием русского языка.

Естественно, что эти поездки мусульманских детей в неведомую Россию имели для них большое

⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 600. Л. 398 об.

познавательное значение и оказывали неизгладимое впечатление.

Исмаил Гаспринский и «новометодные» школы в Туркестане

Соприкосновение двух культур — мусульманской и христианской, несомненно, привело к их взаимовлиянию и взаимообогащению. Мусульманские народы, населяющие Российскую империю, оказались под влиянием европейско-христианской цивилизации, которая на этом отрезке времени оказалась гораздо сильнее и жизнеспособнее, что нашло своё подтверждение в завоевании мусульманских народов христианскими. Мусульманская интеллигенция, сравнивая христианское и исламское образование, сделала выводы о необходимости реформирования своего сугубо конфессионального образования, которое практически не вело к прогрессу. Естественно, что надо было развивать светскую науку и образование, не отказываясь и от исламского конфессионального просвещения. В христианских странах Европы произошло разделение этих двух направлений в просвещении в XVI в., и, соответственно, выиграл тот, кто раньше до этого додумался и поломал сложившиеся веками стереотипы.

Петр I сделал это великое дело в начале XVIII в., благодаря чему Россия семимильными шагами ушла вперед. За короткий период Россия становится Российской империей. Европейская «прививка», сделанная ей Петром I, сделала страну крупнейшей мировой державой.

Мусульманские просветители, проживавшие в России, естественно приходят к пониманию реформ в области просвещения малых народов.

Автору статьи посчастливилось найти среди документов Центрального Государственного Архива

Республики Узбекистана, «Записку о мусульманских школах», написанную Исмаилом Гаспринским, где он разъясняет сущность «новометодных» школ, созданных им в Крыму. Записка датирована июнем 1892 г.

Говоря об отсталости и неэффективности мусульманских конфессиональных мактабов и медресе, Гаспринский говорит и о необходимости изучения русского языка крымско-татарскими детьми. Естественно, возникла необходимость создания других мактабов. «Но где взять этот другой мактаб?»⁵⁰. «Разрабатывая, этот вопрос, — пишет в записке Гаспринский, — в 1884 году я открыл в Бахчисарае мектеб и назвал его «новометодным». На первых порах мусульмане отнеслись к нему недоверчиво, но после первых экзаменов, публично произведенных, число учеников с 9-ти сразу поднялось до 30-ти. Благодаря копированным с русской школы порядкам и введению звукового метода в преподавание, ходжа (учитель в крымско-татарском мектебе — Ш. М.), руководимый мной, успел выучить детей в течение 6-ти месяцев читать по-тюркски, по-арабски, писать по-тюркски и начальным правилам веры. Стало очевидным, что всего лишь за полтора года дети пройдут весь курс мектеба более основательно и шире чем при старых порядках»⁵¹. Таким образом, Гаспринский пришел к выводу, о том, что «всю шестилетнюю премудрость мектебов можно одолеть... за два года, если ввести известные школьные порядки и дать ходжам толково составленные начальные руководства для обучения чтению и письму. Экономизированные таким путем 3–4 года можно посвятить, не нарушая быта и условий жизни мусульман, изучению русского языка»⁵². Исмаил-бек Гаспринский подробно говорит о необходимости изучения русского языка в мусульман-

⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806. Л. 2 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 2.

ских учебных заведениях по нескольким причинам. Во-первых, Гаспринский начинает свою деятельность как учитель русского языка в медресе. Во-вторых, на наш взгляд, великий просветитель понимал, что без знания русского языка молодёжь не сможет приобщиться к мировой цивилизации. В-третьих, было очевидно, что без знания государственного языка в Российской империи у молодого поколения нет будущего. Понимал так же Гаспринский и то, что одним из главных условий открытия «новометодных» школ со стороны царской администрации будет вопрос обучения мусульманских детей русскому языку.

Гаспринский издал новый учебник специально для «новометодных» школ под названием «Ховадже і Субьян» (учитель детей), который разошелся тиражом до 4 тыс. экземпляров. Кроме того, необходимо отметить, что за короткий период в Крыму было открыто 30 «новометодных» мактабов⁵³.

Рассмотренная нами записка была направлена Гаспринским в 1892 г. туркестанскому генерал-губернатору барону А. Б. Вревскому в целях внедрения нового метода обучения и в Туркестане. Начальник края, дал задание изучить эту записку 3-ему инспектору народных училищ Туркестанского края Н. П. Наливкину, отвечавшему в учебном ведомстве за мусульманские учебные заведения. В своём письме в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора от 18 июля 1892 г. инспектор Наливкин, признавая, что Гаспринский прав, когда говорит о том, что мусульманские учебные заведения необходимо реформировать, пишет о том, что в краевом учебном ведомстве давно это уже осознают, и скоро будут приняты необходимые меры. Вместе с тем Наливкин отмечает, что предложения Гаспринского по поводу организации «новометодных» школ абсолютно не приемлемы для Туркестанского края, так как «господин Гасприн-

⁵³ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806. Л. 2 об.

ский отнюдь не может считаться компетентным, ибо туркестанских мактабов и мадраса он не знает, а внутренний распорядок Крымских школ, даже и согласно записке, значительно разнятся от распорядков, практикуемых в мусульманских школах Туркестанского края... Учебник составленный и рекомендуемый г. Гаспринским, вряд ли может пригодиться для наших мактабов уже по одному тому, что язык крымских татар очень разнится от языка сартов... Факт подания г. Гаспринским его записки Главному начальнику Туркестанского края сам по себе служит до некоторой степени выражением со стороны Гаспринского сомнения в обладании и Администрацией Края и Учебным Ведомством знакомства с туземными мусульманскими школами. Если это так, то г. Гаспринский ошибается: ныне Учебное ведомство обладает весьма солидным запасом сведений о свойствах и особенностях названных школ, а равно и о их современных нуждах».

«Я позволю себе думать, — пишет в письме Наливкин — что было бы очень прискорбно, если бы в деле просвещения туземцев Туркестанского Края Русская власть обратилась за помощью к татарам вообще и к таким татарам, как Гаспринский в особенности. В качестве редактора крымско-татарской газеты «Переводчик», г. Гаспринский в течение многих лет отличался направлением настолько антирусским, что верить его готовности служить русскому делу нет решительно никакой возможности»⁵⁴.

Как мы видим из письма Наливкина в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, краевая администрация проигнорировала обращение крымского просветителя по поводу необходимости реформирования мусульманских учебных заведений в Туркестане. В 1896 г. В. П. Наливкин был снят с поста 3-го инспектора училищ Туркестанского края, потому что

⁵⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806. Л. 6 об.-7.

его деятельность на этом посту привела к напряженным отношениям администрации и мусульманских учебных заведений. Вопрос реформирования этих заведений в очередной раз остаётся не решенным. Однако Гаспринский в этот период несколько раз сам приезжает в Туркестан и встречается с местной мусульманской интеллигенцией. Обращается Гаспринский и к чиновникам краевой администрации по поводу реформирования мусульманских учебных заведений. Но эта головная боль никому была не нужна, тем более что в начале XX в. происходит кадровая чехарда с назначением краевых начальников и прочих чинов администрации. В период только лишь с 1900 по 1910 гг. в Туркестане сменилось 7 генерал-губернаторов⁵⁵. И за этот период происходит несколько попыток систематизации политики государственного регулирования ислама на краевом уровне, и в том числе — контроля над мусульманскими учебными заведениями. Однако жизнь имеет свои законы, тем более что «свято место пусто не бывает». «Новометодные» школы открываются по частной инициативе представителей прогрессивной мусульманской интеллигенции в разных городах Туркестанского края. Российская администрация не замечает этого явления или старается не замечать; как говорится в русской пословице, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Начиная с 1904 г. гром начинает греметь все чаще и чаще.

В начале XX в. в периодической прессе, публикуемой в России и за рубежом, мы находим факты, освещающие открытие «новометодных» мактабов и медресе в Туркестанском крае. Например, в крымской газете «Тарджиман» сообщалось следующее:

---

⁵⁵ С. М. Духовской (1898–1901 гг.), Н. А. Иванов (1901–1904 гг.), Н. Н. Тевяшов (1904–1905 гг.), Д. И. Суботич (1905–1906 гг.), Н. И. Гродеков (1906–1908 гг.), П. И. Мищенко (1908–1909 гг.), А. В. Самсонов (1909–1914 гг.).

«Ходжент. Три месяца назад у нас была открыта первая мектеба по звуковому методу. Учитель был приглашен из Ташкента. Недавно в присутствии духовных и почетных лиц происходили первые проверочные экзамены. Ответы детей и вообще результаты нововведения обрадовали всех присутствовавших. В последовавшей благодарственной молитве был помянут Измаил Бек (Гаспринский), как первоиздатель и распространитель звукового метода»⁵⁶.

В другой татарской газете — «Вакыт» («Время»), издаваемой в Оренбурге, была напечатана информация о том, что мусульмане, проживающие в русских частях города Ташкента, решили построить «новометодное» медресе, на постройку которого Оренбургский купец Яушев завещал 2000 руб. Деньги сверх этой суммы были пожертвованы татарами и сартами. Медресе достроена. В комментарии к этому событию в газете написано: «Если бы было больше таких, заслуживающих подражания примеров, то наша нация превзошла бы цивилизацией и прогрессом прочия»⁵⁷.

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства после секретных заседаний в сентябре 1908 г. приступает к изучению положения с «новометодными» школами в крае.

В декабре 1908 г. инспектор народных училищ 1-го района М. Сайфи посетил «новометодный» мактаб в туземной части города Ташкента в махалле «Тарнау Баши». Инспектор в своей записке на имя директора народных училищ Сырдарьинской области С. М. Граменицкого пишет, что открытое на частные средства «новометодное» училище обставлено материально и в хозяйственном отношении довольно хорошо⁵⁸. Учащихся детей на лицо оказалось около 100 человек при двух учителях. «Дети разделены на четы-

⁵⁶ Тарджиман. 1904. № 221.

⁵⁷ Вакыт. 1909. № 29.

⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 5.

ре класса (или, вернее, на 4 отделения) и занимаются в двух просторных но холодных классах»⁵⁹. Кроме религиозных книг, дети обучаются первоначальному курсу арабского языка, главным образом спряжению глаголов.

При прохождении географии дети под руководством учителя пользуются хорошо изданными в Константинополе географическими картами, скопированными с французских изданий, пишет в своём отчёте М. Сайфи. Дети так же читают книгу «Тажвид» (правильное чтение святого Корана), а так же изданную в Казани книгу «Таржимати-ахвал Дувалли-Ислам» («Исторический очерк мусульманских династий») и др.

В общем, делает вывод инспектор, «постановка обучения в этом училище в сравнении с коренными мусульманскими мактабами г. Ташкента имеет громадную разницу»⁶⁰. Необходимо только «сделать преподавание русского языка в этом училище обязательным, во чтобы то ни стало»⁶¹. Заведующий этим училищем, «уроженец города Ташкента сарт Мансур Кары-Абдуль рашад Ханов»⁶², на открытие этой школы разрешения не имеет»⁶³.

Самое главное в этом письме заключается в том, что инспектор учебных заведений М. Сайфи сообщает своему руководству, что ничего противоправительственного в этом «новометодном» училище не изучается, и вредной для Российского государства деятельности не ведётся.

Несмотря на заверения этого и других инспекторов учебного ведомства Туркестана, краевая администрация настороженно отнеслась к «новоме-

⁵⁹ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 5.

⁶⁰ Там же. Л. 6.

⁶¹ Там же.

⁶² Правильно имя звучит: Мунаввар-Кори Абдурашидхан. Кори – «читающий наизусть весь Коран».

⁶³ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 6 об.

тодным» школам. В течение 3-х лет происходит сбор информации краевым учебным ведомством в данном направлении. В 1911 г. главный инспектор училищ Туркестанского края сообщает руководству о наличии в генерал-губернаторстве «новометодных» школ. Всего в Туркестане 63 «новометодных» мактаба с 4 106 учащимися. Из них: «В Сырдарьинской области 16 мактабов — с 1650 учащимися; в Ферганской — 30 с 1436 учащимися, в Самаркандской — 5 с 195 учащимися и в Семиреченской — 12 мактабов с 825 учащимися. В Закаспийской области «новометодных» мактабов нет»⁶⁴.

Российская администрация под предлогом регистрации «новометодных» школ начинает закрывать некоторые из этих частных учебных заведений, препятствуя их массовому распространению в городах и селах Туркестанского края. У кочевников-киргизов (т. е. казахов) так же открываются летучие юрты-школы «новометодного» типа, где учителями являлись студенты уфимских, казанских и оренбургских медресе.

Одним из поводов для закрытия «новометодных» школ со стороны царской администрации являлось отсутствие преподавания в этих мактабах русского языка.

«Пробуждение Востока» в виде революций в Турции, Иране и др. мусульманских странах домокловым мечом висело над головой царской администрации. Свою лепту в нагнетание страха вносило и Туркестанское охранное отделение своими некавалифицированными агентурными данными, предоставляемыми генерал-губернаторам. На деятельности туркестанской охраны сказывалось отсутствие в её рядах специалистов-востоковедов. В отношении «новометодных» школ агентура часто доставляла руководству сплетни и предположения⁶⁵.

---

⁶⁴ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 230.

⁶⁵ См. материалы ЦГА РУз, фонд И-461 «Туркестанское районное охранное отделение».

Более ценными, на наш взгляд, являются высказывания по вопросу «новометодных» школ современников-востоковедов.

В 1909 г. Ходжентский уездный начальник – туркестанский востоковед Нил Лыкошин, анализируя состояние народного просвещения в крае, говорит о необходимости немедленной коренной реформы русско-туземных школ. «Если мы не сделаем этого сейчас, то время будет упущено и население воспользуется услугами «новометодной» мусульманской школы, которая в состоянии совместить довольно обширные европейские знания с религиозно-схоластической премудростью мусульманских книжников... Население изверившись в пригодности русско-туземной школы само вырабатывает тип особой школы, которая конечно уже не будет служить русским целям, а образование туземцу даст на родном языке. Много лет назад на столбцах местных повременных изданий я писал о необходимости распространения между туземцами европейских знаний на родном их наречии, я предвидел, что туземцы и без нашей помощи найдут дорогу к европейской науке, но тогда меня уверяли, что русско-туземные школы научат туземцев русскому языку и уже на русском языке они приобретут научные знания. Предсказания моих оппонентов не сбылись, русскому языку туземцев мы не научили и «новометодные» школы грозят приобрести популярность среди туземцев и серьезно конкурировать с распространением среди туземцев русской школы, которую мы ошибочно считали единственным проводником знания в среду туземцев»⁶⁶.

Подводя некоторые итоги рассматриваемой темы, необходимо отметить, что царской администрации в Туркестане жилось спокойно, пока местное население, обучаясь в старометодных мусульманских школах, практически получая знания очень далёкие

⁶⁶ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 143-143 об.

от реальной жизни, не представляло для властей никакой опасности. Приобщение среднеазиатских народов к европейской цивилизации и в том числе к европейской философии (читай – свободомыслию), естественно, стали предметом для размышления туркестанской администрации. Что лучше: покорный народ или мыслящий народ? Эта дилемма не требовала долгих споров. Конечно, же «да здравствуют старометодные школы!» Пусть ребенок в этом мактабе и медресе учится 20 лет, но самое главное, будет покорным, а какие знания он там получил, было не важно⁶⁷. Учась гораздо меньше времени и получая современные знания в «новометодных» мусульманских учебных заведениях, туркестанец становился равным европейскому человеку, и уже подумывал: а почему же он должен подчиняться российской власти и не иметь собственного национального государства?

Очень точно обозначил причину появления «новометодных» школ в Российской империи деятель народного просвещения Н. А. Бобровников: «Новометодное направление есть создание русских условий и выросло на почве игнорирования русским правительством потребностей мусульман в образовании и нашей полной неосведомлённости о том, какими идеями живет отделенная от нас языком и религиею многомиллионная масса мусульман»⁶⁸.

Падение Российской империи в 1917 г. даёт большой простор для развития «джадидского» движения уже в качестве национально-освободительного движения. Именно в этот период национальные реформаторы делают первые шаги по созданию независимого Туркестанского государства. Необходимо помнить, что фундаментом для этих событий явилось, в том

---

⁶⁷ Фитрат А. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Ташкент, 2007. С. 12.

⁶⁸ Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. СПб., 1913. С. 54.

числе, открытие и деятельность в начале XX в. мактабов «Усули джадид» — или «новометодных» школ.

Вместо заключения

В статье нами был рассмотрен ряд аспектов из истории Туркестанского генерал-губернаторства. Главный вывод из всего вышеизложенного состоит в том, что история состоит из «метаморфоз», о которых необходимо компетентно говорить, для чего, прежде всего, необходимо знать массу архивных источников по рассматриваемому периоду, не игнорируя при этом мемуарную литературу и современную прессу. Только лишь комплексный и междисциплинарный подход в освещении перечисленных источников и литературы, на наш взгляд, даст желаемый результат.

Необходимо сказать и о специфическом подходе историков различных стран к рассматриваемой проблеме. Естественно, что российские и узбекские учёные будут иметь каждый свою точку зрения в философском и ином освещении затронутой проблемы. Есть ещё и взгляд западных исследователей, которые делают немалые усилия для понимания сложнейших страниц истории региона, который иногда бывает сложным для нашего осознания и практически далёким от реальности. Но прекрасно, что есть разные мнения и подходы к изучению исторических процессов. Вопрос методологии изучения истории не снимается с повестки дня, и, надеемся, никогда не будет снят, иначе прекратится развитие исторической науки в целом. Да здравствует капризный характер мадам Клио!

Источники

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528.

ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 518.

ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 600.

ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955.

Вақыт. 1909. № 29.

Тарджиман. 1904. № 221.

Литература

Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. СПб., 1913.

Остроумов Н. П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. М., 1910.

Пален К. К. Главнейшие выводы по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910.

Пален К. К. Учебное дело. СПб., 1910.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906.

Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906) // Исторический вестник. 1913. Кн. 9–12.

Фитрат А. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Ташкент, 2007.

Sh. B. Muhamedov

The History of Russian Turkestan: Truth and Fiction.

A View of a Historian from XXI century

Some complex questions of Russian rule in Central Asia are investigated in the article. A special attention is paid to the problems of transformational processes in the sphere of policy, economy, and education in the region, which are not sufficiently explored.

Key words: Turkestan, general-governor, policy, economy education, Islam, Christianity, dzhadidizm.